

Аптекарша

Городишко Б., состоящий из двух-трех кривых улиц, спит непробудным сном. В застывшем воздухе тишина. Слышно только, как где-то далеко, должно быть, за городом, жидким, охрипшим тенорком лает собака. Скоро рассвет.

Всё давно уже уснуло. Не спит только молодая жена провизора Черномордика, содержателя б ской аптеки. Она ложилась уже три раза, но сон упрямо не идет к ней и неизвестно отчего. Сидит она у открытого окна, в одной сорочке, и глядит на улицу. Ей душно, скучно, досадно... так досадно, что даже плакать хочется, а отчего опять-таки неизвестно. Какой-то комок лежит в груди и то и дело подкатывает к горлу... Сзади, в нескольких шагах от аптекарши, прикорнув к стене, сладко похрапывает сам Черномордик. Жадная блоха впилась ему в переносицу, но он этого не чувствует и даже улыбается, так как ему снится, будто все в городе кашляют и непрерывно покупают у него капли датского короля. Его не разбудишь теперь ни уколами, ни пушкой, ни ласками.

Аптека находится почти у края города, так что аптекарше далеко видно поле... Она видит, как мало-помалу белеет восточный край неба, как он потом багровеет, словно от большого пожара. Неожиданно из-за отдаленного кустарника выползает большая, широколицая луна. Она красна (вообще луна, вылезая из-за кустов, всегда почему-то бывает ужасно сконфужена). Вдруг среди ночной тишины раздаются чьи-то шаги и звяканье шпор. Слышатся голоса.

Это офицеры от исправника в лагерь идут, думает аптекарша.

Немного погодя показываются две фигуры в белых офицерских кителях: одна большая и толстая, другая поменьше и тоньше... Они лениво, нога за ногу, плетутся вдоль забора и громко разговаривают о чем-то. Поравнявшись с аптекой, обе фигуры начинают идти еще тише и глядят на окна.

Аптекой пахнет... говорит тонкий. Аптека и есть! Ах, помню... На прошлой неделе я здесь был, касторку покупал. Тут еще аптекарь с кислым лицом и с ослиной челюстью. Вот, батенька, челюсть! Такой именно Сампсон филистимлян избивал.

М-да... говорит толстый басом. Спит фармация! И аптекарша спит. Тут, Обтесов, аптекарша хорошенькая.

Видел. Мне она очень понравилась... Скажите, доктор, неужели она в состоянии любить эту ослиную челюсть? Неужели?

Нет, вероятно, не любит, вздыхает доктор с таким выражением, как будто ему жаль аптекаря. Спит теперь мамочка за окошечком! Обтесов, а? Раскинулась

от жары... ротик полуоткрыт... и ножка с кровати свесилась. Чай, болван аптекарь в этом добре ничего не смыслит... Ему, небось, что женщина, что бутылка с карболкой всё равно!

Знаете что, доктор? говорит офицер, останавливаясь. Давайте-ка зайдём в аптеку и купим чего-нибудь! Аптекарьшу, быть может, увидим.

Выдумал ночью!

А что же? Ведь они и ночью обязаны торговать. Голубчик, войдёмте!

Пожалуй...

Аптекарьша, спрятавшись за занавеску, слышит сиплый звонок. Оглянувшись на мужа, который храпит по-прежнему сладко и улыбается, она набрасывает на себя платье, надевает на босую ногу туфли и бежит в аптеку.

За стеклянной дверью видны две тени... Аптекарьша припускает огня в лампе и спешит к двери, чтобы отпереть, и ей уже не скучно, и не досадно, и не хочется плакать, а только сильно стучит сердце. Входят толстяк доктор и тонкий Обтесов. Теперь уж их можно рассмотреть. Толстобрюхий доктор смугл, бородат и неповоротлив. При каждом малейшем движении на нем трещит китель и на лице выступает пот. Офицер же розов, безус, женоподобен и гибок, как английский хлыст.

Что вам угодно? спрашивает их аптекарьша, придерживая на груди платье.

Дайте... эээ... на пятнадцать копеек мятных лепешек!

Аптекарьша не спеша достаёт с полки банку и начинает вешать. Покупатели, не мигая, глядят на её спину; доктор жмурится, как сытый кот, а поручик очень серьёзен.

Первый раз вижу, что дама в аптеке торгует, говорит доктор.

Тут ничего нет особенного... отзывается аптекарьша, искоса поглядывая на розовое лицо Обтесова. Муж мой не имеет помощников, и я ему всегда помогаю.

Тэк-с... А у вас миленькая аптечка! Сколько тут разных этих... банок! И вы не боитесь вращаться среди ядов! Бррр!

Аптекарьша запечатывает пакетик и подаёт его доктору. Обтесов подаёт ей пятиалтынный. Проходит полминуты в молчании... Мужчины переглядываются, делают шаг к двери, потом опять переглядываются.

Дайте на десять копеек соды! говорит доктор.

Аптекарьша опять, лениво и вяло двигаясь, протягивает руку к полке.

Нет ли тут, в аптеке, чего-нибудь этакого... бормочет Обтесов, шевеля пальцами, чего-нибудь такого, знаете ли, аллегорического, какой-нибудь живительной влаги... зельтерской воды, что ли? У вас есть зельтерская вода? Есть, отвечает аптекарьша.

Браво! Вы не женщина, а фея. Сочините-ка нам бутылочки три!

Аптекарьша торопливо запечатывает соду и исчезает в потемках за дверью.

Фрукт! говорит доктор, подмигивая. Такого ананаса, Обтесов, и на острове Мадейре не сыщете. А? Как вы думаете? Однако... слышите храп? Это сам господин аптекарш изволят почивать.

Через минуту возвращается аптекарша и ставит на прилавок пять бутылок. Она только что была в погребке, а потому красна и немножко взволнованна. Тсс... тише, говорит Обтесов, когда она, раскупорив бутылки, роняет штопор. Не стучите так, а то мужа разбудите.

Ну, так что же, если и разбужу?

Он так сладко спит... видит вас во сне... За ваше здоровье!

И к тому же, басит доктор, отрывая после зельтерской, мужья такая скучная история, что хорошо бы они сделали, если б всегда спали. Эх, к этой водичке да винца бы красненького!

Чего еще выдумали! смеется аптекарша.

Великолепно бы! Жаль, что в аптеках не продают спиритуозов! Впрочем... вы ведь должны продавать вино как лекарство. Есть у вас *vinum gallicuni rubrum*?¹

Есть.

Ну вот! Подавайте нам его! Чёрт его подери, тащите его сюда!

Сколько вам?

Quantum satis!..² Сначала вы дайте нам в воду по унцу, а потом мы увидим... Обтесов, а? Сначала с водой, а потом уже *per se*...³

Доктор и Обтесов присаживаются к прилавку, снимают фуражки и начинают пить красное вино.

А вино, надо сознаться, препаскуднейшее! *Vinum plochissimum*! Впрочем, в присутствии... эээ... оно нажегся нектаром. Вы восхитительны, сударыня! Целую вам мысленно ручку.

Я дорого дал бы за то, чтобы сделать это не мысленно! говорит Обтесов. Честное слово! Я отдал бы жизнь!

Это уж вы оставьте... говорит госпожа Черномордик, вспыхивая и делая серьезное лицо.

Какая, однако, вы кокетка! тихо хохочет доктор, глядя на нее исподлобья, плутовски. Глазенки так и стреляют! Пиф! паф! Поздравляю: вы победили! Мы сражены!

Аптекарша глядит на их румяные лица, слушает их болтовню и скоро сама оживляется. О, ей уже так весело! Она вступает в разговор, хохочет, кокетничает и даже, после долгих просьб покупателей, выпивает унца два красного вина.

Вы бы, офицеры, почаще в город из лагерей приходили, говорит она, а то тут ужас какая скука. Я просто умираю.

Еще бы! ужасается доктор. Такой ананас... чудо природы и в глуши!

Прекрасно выразился Грибоедов: В глушь! в Саратов! Однако нам пора. Очень рад познакомиться... весьма! Сколько с нас следует?

Аптекарша поднимает к потолку глаза и долго шевелит губами.

Двенадцать рублей сорок восемь копеек! говорит она.

Обтесов вынимает из кармана толстый бумажник, долго роется в пачке денег и расплачивается.

Ваш муж сладко спит... видит сны... бормочет он, пожимая на прощанье руку аптекарши.

Я не люблю слушать глупостей...

Какие же это глупости? Наоборот... это вовсе не глупости... Даже Шекспир сказал: Блажен, кто смолоду был молод!

Пустите руку!

Наконец покупатели, после долгих разговоров, целуют у аптекарши ручку и нерешительно, словно раздумывая, не забыли ли они чего-нибудь, выходят из аптеки.

А она быстро бежит в спальню и садится у того же окна. Ей видно, как доктор и поручик, выйдя из аптеки, лениво отходят шагов на двадцать, потом останавливаются и начинают о чем-то шептаться. О чем? Сердце у нее стучит, в висках тоже стучит, а отчего она и сама не знает... Бьется сердце сильно, точно те двое, шепчась там, решают его участь.

Минут через пять доктор отделяется от Обтесова и идет дальше, а Обтесов возвращается. Он проходит мимо аптеки раз, другой... То остановится около двери, то опять зашагает... Наконец осторожно звякает звонок.

Что? Кто там? вдруг слышит аптекарша голос мужа. Там звонят, а ты не слышишь! говорит аптекарь строго. Что за беспорядки!

Он встает, надевает халат и, покачиваясь в полусне, шлепая туфлями, идет в аптеку.

Чего... вам? спрашивает он у Обтесова.

Дайте... дайте на пятнадцать копеек мятных лепешек.

С бесконечным сопеньем, зевая, засыпая на ходу и стуча коленями о прилавков, аптекарь лезет на полку и достает банку...

Спустя две минуты аптекарша видит, как Обтесов выходит из аптеки и, пройдя несколько шагов, бросает на пыльную дорогу мятные лепешки. Из-за угла навстречу ему идет доктор... Оба сходятся и, жестикулируя руками, исчезают в утреннем тумане.

Как я несчастна! говорит аптекарша, со злобой глядя на мужа, который быстро раздевается, чтобы опять улечься спать. О, как я несчастна! повторяет она, вдруг заливаясь горькими слезами. И никто, никто не знает...

Я забыл пятнадцать копеек на прилавке, бормочет аптекарь, укрываясь одеялом. Спрячь, пожалуйста, в конторку...

И тотчас же засыпает.

красное французское вино (лат.).2

Сколько потребуется!.. (лат.).3

чистого... (лат.).